

Олег Сафонов

Родился в 1974 году в г. Новокузнецке Кемеровской области, окончил естественно-географический факультет НГПИ (Новокузнецк) и юридический факультет НФИ КемГУ.

Работал учителем, заместителем директора, директором детского дома и общеобразовательной школы.

Публиковался в журнале «Сибирские огни» и в коллективных сборниках. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» за 2022 год. Живет в Новокузнецке.

Шоколадный заяц

Рассказ

Увертюрой к предстоящим выходным заливался звонок с последнего урока в пятницу. Ученики, измученные мартовским солнцем, нещадно светившим в пыльные окна душных надоевших классов, в радостном возбуждении хлынули по лестницам. Самые «уставшие» перепрыгивали через несколько ступеней, скользили на виражах, цепляясь за перила, подлетали к раздевалкам и, схватив одежду, выбегали на улицу, оглашая крыльцо школы первобытным ревом. На два дня скинуто было наконец тяготившее их всю неделю ордынское иго. Чалдонов хмурился, щуря и без того чуть раскосые глаза, и трехдневная черная щетина, почти заползшая на его широкие скулы, топорщилась, как иголки у пыхтящего ежа. Он отпустил детей за пять минут до звонка, заранее договорившись с историком не мешкать и, пока не припрягли по какому-нибудь вопросу, свалить побыстрее в чебуречную и отпраздновать окончание рабочей недели. И вот теперь он стоял недалеко от выхода в шумной толпе и, сам того не замечая, грыз ногти, ожидая своего соратника, который бессовестно задерживался. Увидев директора, почти бегущего по коридору, и семенившую рядом с ним сухощавую женщину с подчеркнuto умным выражением лица – завуча по научно-методической работе, Чалдонов инстинктивно пригнулся, втягивая голову в плечи. Но в то же мгновение понял, что его рослую спортивную фигуру не скроешь даже за спинами старшекласников, да и глупо прятаться, как мальчишке, в тридцать с лишним. И потому он, выпятив грудь колесом, стал рассматривать старые объявления на стенде с отстраненным, непроницаемым видом.

– Тьфу ты, как нарочно! – выругался про себя Чалдонов, заметив краем глаза, как директор, перестав жестикулировать,

вать и что-то говорить завучу, которая изображала всецелое внимание, направился к нему.

Вот он уже держал его за рукав пиджака и барабанил по ушам градом слов. Чалдонов смотрел сверху вниз на бегающие под очками заводные, с хитринкой глаза шефа, к которым так органично шли его побелевшие в административных боях волосы, и в очередной раз удивлялся, как тот способен запудрить человеку мозги на ровном месте. Из напористого потока слов, которые Чалдонов в большинстве своем, не вникая, отражал в стену напротив, выходило следующее: учителей не хватает, гимназия в опасности и завтра ему надо будет прийти рано утром на научно-практическую конференцию, чтобы возглавить жюри в секции по биологии для шестых классов.

– Да я ведь ОБЖ веду! Я в биологии ничего не сообщаю, – начал было Чалдонов, приглаживая стриженую макушку.

– Лёша, о чем ты говоришь?! У тебя в дипломе написано – учитель географии и биологии.

– Я не о себе, я о детях волнуюсь. Не так засужу.

– Ты дурака не валяй, Алексей Фёдорович! Как председателем избирательной комиссии, так у тебя все получается, а тут волнуешься, как мнительная барышня?

Дальше Чалдонов не спорил. Шефа он уважал.

– Смотри же, завтра в восемь. Сам приду проверю.

И вдруг, вспомнив, между делом сообщил:

– Да, есть для тебя еще одно хорошее известие. Мне сегодня из администрации звонили. После конференции зайдешь в мой кабинет, скажу.

Чалдонов открыл было рот, но директор уже бежал к завхозихе, появившейся из-за угла. И только тут, с досадой оглядываясь по сторонам, он заметил ехидный взгляд учителя истории Саныча, который все слышал. Саныч и так смахивал на вечно улыбающегося Чеширского кота,

а теперь вообще трясясь всем телом и фыркал, как кипящий чайник, отчаянно сдерживаясь, чтобы не расхохотаться по-настоящему.

– Ты где пропадал, злыдень? – кипятился учитель ОБЖ, выходя за школьную ограду. – У тебя ведь последнего урока не было.

– Я, в отличие от тебя, не могу сразу со звоном покидать гимназию! Стены этого храма знаний не отпускают меня.

– Хорош уже веселиться. Подставил меня, как пацана. Теперь прощай здоровый сон с утра в выходной.

– Да не мог я раньше уйти! – сказал Саньч примирительно, уже без насмешки. – Девочка у меня способная из десятого «А». Через неделю на олимпиаду в Москву уезжает. Пришла с вопросами. Не выгонять же ее.

– Мужик у скоро полтинник, а он всякими глупостями занимается. Девочка, видите ли, у него, когда друг ждет по серьезному делу. Вот укатит твоя умная девочка через год в столицу, и много раз она про тебя вспомнит, старого дурака?

– По пивку или водочки? – добродушно перевел разговор Саньч, заведя издали облитую солнцем чебуречную.

Чалдонов сделал глубокомысленное лицо и изрек:

– Пиво без водки – деньги на ветер. Хотя теперь уже надо соблюдать культуру питья, ведь завтра научно-практическая конференция.

Чтобы сократить путь, они пошли напрямик, по тропинке через пустырь. Саньч играючи перебрасывал по потемневшей стезе свое поджарое тело, а Алексей Фёдорович шел сзади и вроде след в след, но под его весом снег то и дело проваливался. Роскошная ругань густо заполняла пространство вокруг вперемешку с репликами о том, что нормальные люди сейчас на машине к ресторану подъезжают с красивыми женщинами, а два балбеса идут по неверно выбранной дороге в дешевый пивбар.

Пиво в самом деле было дешевым и водянистым, зато обстановка – приятной. Кругом гудел рабочий класс, звенели массивные пивные кружки, из хриплой колонки вырывался шансон, а за соседним столом, уже изрядно набравшись, хрипло спорили два завсегдатая и, возможно, назревала потасовка. Спиртное лилось рекой, горячий жир с чебуреков стекал по пальцам. Чалдонов с Санычем любили приходить сюда в том числе и для того, чтобы посмотреть очередной спектакль. Учитель ОБЖ, в который раз глядя на серые пьяные лица, слушая нескладную, державшуюся только на нецензурных выражениях речь, с удовлетворением чувствовал, что род его занятий – интеллектуального характера и он не ровня этим пролетариям.

Саныч, словно угадав ход его мыслей, сказал:

– А ты слышал, что географ новый уволился?

– Что так?

– Он, когда устраивался, шефа о зарплате спрашивал.

А тот ему наплел про премиальные баллы, положение по оплате труда, перспективы молодого специалиста в гимназии, профессиональный рост. Ну, ты знаешь его! Вот парень и бегал в первые месяцы как Егорка, такой активный, воодушевленный, а потом одну «ракушку»¹ получил, другую... и клюв повесил.

– Ему, наверное, сказали, чтобы подождал, не все же сразу? – злорадно ухмыльнулся Чалдонов.

– Ну вот он и ждал до марта, а тут место подвернулось, пошел на завод, в электролизный цех. Молодую жену кормить надо.

– Зря ушел, молодой еще, ума нет. Мои одноклассники, что на заводе, выглядят лет на двадцать старше меня, а кто уже и спился совсем.

¹ «Ракушка» - обиходное название расчетного листка, в котором указана информация о заработной плате, удержаниях, начислениях и других финансовых параметрах.

– Я тоже считаю, зря. Да его, понимаешь, еще и тетки наши невзлюбили, завучи. На нас-то с тобой где залезешь, там и слезешь, а его строили по полной программе, как мальчишку.

И, как у них повелось, разговор в очередной раз перешел на женщин гимназии.

– Да они хуже американцев! – горячился Чалдонов. – Те хоть где-то далеко пакостят, а эти здесь сидят.

– И, заметь, не просто сидят, – подхватил Саныч, – а наши деньги делят. Создали там, понимаешь, премиальную комиссию и тасуют. А премия-то – считай, половина учительской зарплаты.

– Я тут захожу на днях в кабинет к Нателле, – кривился Чалдонов. – В чем, говорю, дело? Почему у меня стимулирующих выплат опять с гулькин нос? А она лобик наморщила, губы трубочкой сделала и манерно так вопрошает: «А какие у вас, Алексей Фёдорович, в отчетном периоде достижения?» «Успеваемость, – говорю, – у меня на сто процентов! Откройте все журналы – одни пятерки. Вот у Будорагина, например, кругом двойки, а у меня – пятак, потому что у меня, говорю, индивидуальный подход!»

Саныч захохотал от души:

– Ты бы ей еще про метод самоконтроля рассказал, когда учитель на первом уроке слегка болеет.

– «Мы, Алексей Фёдорович, с вами, – продолжал, передразнивая, Чалдонов, – говорим на разных языках». Конечно, на разных. У нее муж на разрезе каким-то микроначальником, сама тут лапу на деньги наложила, а у меня двое малых детей. Хорошо еще, что с завхозихой мы на короткой ноге. Вот ей я и снег с крыши скидываю, и дыры в спортзале перфоратором сверлю, потому что платит сразу и наличкой. Да если бы мне за каждую дырку платили, вся гимназия была бы как решето.

– А Семёнова-то, подружайка ее, как чудит, – забавлялся Саныч. – На новой машине в гимназию ездит. Школа стоит, считай, во дворе ее дома, пару минут ходьбы до боковой калитки. Так нет же, не поленился выйти пораньше, разогреть двигатель, дать круг, объехать полквартала, чтобы только подкатить к центральному входу.

– А вот взять хоть тебя, Саныч! Ты у шефа на хорошем счету. Дети твои на олимпиадах побеждают, с женщинами вроде умеешь – где с шуткой, где с комплиментом, кого-то и за талию ущипнешь.

– Надо знать, кого и когда, – многозначительно заметил бывалый педагог, шаловливо приглаживая седые уже виски.

– Так вот, – продолжал Чалдонов, – как бы ты ни изощрялся, кого бы ни приобнимал, а зарплата у тебя будет всегда меньше, чем у них, и ничем ты этих теток не пробьешь. – И добавил: – Хорошо еще, что директор – мужик, а так бы вообще была засада. Сожрали бы нас с тобой!

Саныч лукаво посмотрел на горящие от негодования щеки и взъерошенную макушку друга:

– За меня, пожалуй, не беспокойся, а скажи мне лучше, Лёша, как на духу: чего ты-то в жизни хочешь?

– Я – здоровый умный мужчина в самом расцвете сил. Хочу иметь возможность зарабатывать себе на достойную жизнь.

– Эка куда хватанул! Замахнулся нарушить основы мироздания. Да когда на Руси было время, чтобы простому смертному давали заработать? Предоставь тебе такую возможность – ты, чего доброго, человеком себя почувствуешь, вопросы ненужные начнешь задавать. Не-е-ет, – убежденно мотнул головой Саныч, – живуча народная поговорка: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

– Ну вот я и говорю, – продолжал невозмутимо Алексей Фёдорович, – мне бы такое местечко, чтобы не вкалывать,

а руководить да средства распределять. – И Чалдонов мечтательно вскинул глаза: – Эх, живут же люди: при власти, при деньгах...

– В этом вопросе ничего не меняется, – подтвердил Саныч. – Кто при власти, тот и при деньгах. Еще во времена Московского государства боярин, когда приходил к царю с просьбой назначить его поуправлять какой-нибудь областью, говорил так: «Пусти покормиться». И его пускали, то есть «сажали на корм». Только вот ты, Алексей Фёдорович, при дележке пирога кому нужен?

Повисла пауза. И было слышно сквозь шум пивбара, как в дальнем углу перепивший субъект кричал с надрывом в лицо своему соседу:

– Я справедливости хочу! Всю жизнь в литейном отпахал, а сейчас вот – под сокращение. Здоровья, говорят, у тебя нет. Отработанный ресурс! А где, спрашиваю, мое здоровье? Куда я его потратил?

– Давно конвертировано его здоровье, – невесело усмехнулся Саныч, – в офшорах на Кипре.

– Ты на мне крест раньше времени не ставь, – с упрямством в голосе продолжил Чалдонов. – Зачем вот меня шеф завтра к себе вызывает после конференции? По мою душу, говорит, из администрации звонили.

– Ну, известное дело. По выборам что-нибудь.

– Да нет, там по этому вопросу еще никто и не чешется. Тут другое. Слушай, а может, меня директором школы хотят поставить? Точно знаю: в районе освобождается одна. Новое здание. Хороший фонд оплаты труда. А что, – все более возбуждался Чалдонов, – я исполнительный. Каждый раз в день голосования на моем участке лучшая явка в районе. Всегда выхожу на прогнозируемый процент. Опять же, погляди, какие у меня антропометрические данные. Красивый директор! Любо-дорого посмотреть!

И Чалдонов, выпрямившись, расправив плечи, изобразил такой взор, словно за грязным деревянным столом в эту минуту сидел не учитель ОБЖ, а как минимум глава района.

Саныч в раздумье покачал головой:

– Директор Алексей Чалдонов... маловероятно.

– Почему это? – надулись щетинистые губы.

– Антропометрия у тебя, конечно, хорошая, да вот гибкости в позвоночнике совсем нет. У нас только тем директорам школ с прямой спиной позволено ходить, у кого хороший блат наверху.

И Саныч, взглянув на пустую кружку, в сердцах махнув рукой, как казалось, до самой администрации, резюмировал:

– Эх! Да ну их всех в баню, Лёша! Давай повторим!

Друзья возвращались домой уже вечером. В теплых мартовских сумерках весело светились окна окрестных домов и подпрыгивали у них перед глазами. И было хорошо.

Утром Чалдонов сидел на почетном месте председателя жюри. Помятое лицо его с царапиной на подбородке (след от торопливого бритья) выражало суровость. По правую и левую руку от него, словно народные заседатели в суде, расположились два одиннадцатиклассника. Но Чалдонов знал, что именно он здесь принимает решение и результаты работы секции зависят только от него. Настроение его поначалу было как у человека, который отработал ночь, а ему объявили, что сменщик не пришел и надо задержаться еще на пару часов.

Собирались уже начинать, как вдруг из-за парты встал с улыбочкой румяный круглолицый мальчик из шестого «Б» – Сеня Лёвушкин. Он резво, как ни в чем не бывало подошел к судейскому столу, поставил перед Алексеем Фёдоровичем шоколадного зайца и, все так же улыбаясь, вернулся на место.

Дальше Чалдонов, надув щеки, делал вид, что слушает доклады. Молча кивал головой и не задавал лишних вопросов. Однако следует сказать, что и доклады были средненькими, не привлекающими внимания. Материал участниками в основном был надерган из Интернета и совсем неумело скомпонован. Кто-то добросовестно выучил эту сдутую информацию, но большинство читали по бумажке. Да к тому же победителя опытный учитель уже определил.

С каждым прошедшим докладом настроение председателя жюри все больше поднималось. Мероприятие приближалось к концу и проходило по всем канонам. Докладчики переживали и украдкой смотрели в сторону главного арбитра, пытаясь угадать, что у того на уме, а подобревший арбитр то и дело бросал взгляд на зайца, который, как он определил, был с коньяком внутри. Тот подмигивал ему шоколадным глазом и, казалось, говорил, даже не говорил, а кричал во всеуслышание: «Респект вам и уважение, Алексей Фёдорович!» И, когда выступал Лёвушкин, временами заглядывая в листок, Чалдонов уже не сдвигал грозно брови, а улыбался.

Однако он рано расслабился, небольшое испытание ему все же предстояло. Последним к доске вышел Ваня Скворцов. Чалдонов вспомнил, как биологичка с утра что-то говорила ему про этого ученика. Вроде бы способный.

Скворцов принес с собой два горшка с растениями. Впрочем, учитель с дипломом «география и биология» слабо разбирался во флоре. Для него все, что не дерево, было травой. Только в одном горшке трава была зеленой и кустистой, с бутонами, а в другом – квелой, пожелтевшей и явно мучилась. И как давай этот Скворцов рассказывать, какие условия он этим цветам создавал, какой организовал режим полива, как изменял характер освещения и влажности, какими удобрениями подкармливал, исходя из состава почвы. Причем все изменения фиксировал в динамике, представ-

ляя результаты в таблице, иллюстрируя их фотографиями. И чем дольше Чалдонов слушал, тем больше понимал, что мальчишка, по сути, провел и оформил полноценное исследование, и тем больше нарастало у него внутреннее напряжение. Даже зачесалось под лопаткой. Стало возникать сомнение, что было совсем некстати за пять минут до объявления результатов. И председатель жюри опять сдвинул брови, но теперь уже по-настоящему задумался.

Вечером того же дня Алексей Фёдорович был в самом благодушном настроении. Они с Санычем сидели за тем же деревянным столом и отмечали важное событие: Чалдонова наградили медалью «За веру в добро» (медаль «За веру в выборы» еще не додумались давать). Между пивными кружками стоял тот самый подмигивающий зверь, и Чалдонов объяснял его происхождение, да и вообще, приукрасив, расписывал свою работу на научно-практической конференции.

Выслушав незатейливый рассказ, Саныч с легкой улыбкой укоризненно покачал головой:

– Как же ты так, Лёша, медали «За веру в добро» получаешь, а способного ребенка засудил.

На что последовал серьезный, заранее обдуманый ответ:

– Я – учитель, инженер человеческих душ, а потому должен закреплять у детей социально успешные модели поведения. Разве можно у нас в реальной жизни стать первым без шоколадного зайца? Вторым... еще может быть, но первым – никогда! И чем быстрее тот же Скворцов это поймет, тем лучше.

И Чалдонов вперил взгляд в своего соратника:

– Скажи, что это не так.

– М-м-да... – протянул Саныч, – живуча народная поговорка: всяк подъячий любит калач горячий. Лет пятьсот уже, наверное, ей. Такой вот у нас менталитет.

Затем, взглянув на опустевшую кружку, резюмировал:
– Ну что тут скажешь, Лёша... Давай повторим!

В этот вечер Чалдонов спал сном младенца, как человек, который добросовестно исполнил свой долг. Крепко спал и окрыленный успехом Лёвушкин. И только Ваня Скворцов ворочался. У мальчишки был пытливый ум, и он все пытался понять, чего в его докладе не хватило для первого места. Но мысли его путались, внимание рассеивалось. И уже в полудреме все всплывал перед ним, подмигивая, и словно пытался о чем-то сказать стоящий на столе председатель жюри шоколадный заяц.

г. Новокузнецк

Не мешайте кораблю плыть

Хорошо сплавляться по Томи летом на катамаране, особенно в верховьях. Река здесь чудесная: небыстрая, чистая и безопасная. Есть возможность полюбоваться невысокими горными хребтами, поросшими милыми сердцу пихтами, подышать вдоволь живительным, сотканным из кислорода воздухом, занять время ненавязчивой беседой с соседом «по палубе» – словом, воплотить в жизнь известное древнее изречение: «Смертный, скользи по жизни, но не напирай на нее»².

Вот мы и скользили с Санычем второй день, полулежа, каждый на своем баллоне, радуясь, когда небольшое облачко скрывало наши тяжелые похмельные головы от палящего солнца. На очередном плесе, затянувшемся, как молчаливое безделье, я грубо нарушил сонную идиллию, попытавшись веслом направить плавсредство к центру видневшегося впереди переката. Саныч, увидев мое телодвижение, на правах капитана, а также старшего, по-

² Эпикур.

стигшего мудрость, и вообще почетного работника образования, заметил наставительно:

– Главное – не мешать кораблю плыть!

Он просто пошутил от нечего делать, но ведь иной раз одно выражение, одно слово может всколыхнуть человека и напомнить ему невесть что. Так и эта ленивая реплика вызвала в памяти давно забытую страничку из прошлого.

– Да уж, верно говоришь, главное – хотя бы не мешать. В подтверждение твоего выдающегося умозаключения могу, друг мой, поведать тебе историю.

И я вопросительно посмотрел на Саныча.

– Валяй, рассказывай, – зевнул он, в очередной раз намочив в воде кепку.

– Хотя... впрочем, ничего в ней особенного, да и рассказчик из меня не бог весть какой, – сразу подстраховался я. – Вот был у нас на факультете преподаватель философии, которого в конце концов выгнали, так тот, когда не болел после вчерашнего, мог молотить без умолку пять пар напропалую. И так брал нашу ватагу за живое, что мы слушали его затаив дыхание, с изумлением выходя из темноты в свет, как те узники из пещеры Платона³. Даже забывали про хлеб наш насущный и пропадающие без дела в карманах талоны на питание. Но раз уж сами, батенька, дали мне добро, то извольте слушать.

Я тогда был еще совсем молодым учителем и очень боялся завуча. В оправдание могу заметить, что и завуч у нас была не чета нынешним. Хищного прищура и тонких, плотно сжатых губ Регины Петровны опасался не я один. И собравшиеся закурить в туалете старшеклассники, а тем более несчастная, не сдавшая вовремя отчет учительница и даже трудовик, который что-то там смастерил на даче у дирек-

³ Имеется в виду «Миф о пещере» Платона.

тора, а потому держался независимее прочего педсостава, чувствовали себя под прицелом темных раскосых глаз как на осмотре у стоматолога. Да что и говорить, «общаться по душам» она умела. Манера разговора Регины Петровны была сродни ее почерку: начинала мелко, мелко, постепенно увеличивая нажим, который выливался в конце фразы в хлесткую, размашистую петлю.

Отлично помню, как «поднималась» моя самооценка на заре учительства, например, такими фразами: «Действительно, дети тебя слушают. Ты все-таки молодой мужчина, что для школы редкость. Однако с методической точки зрения твой урок абсолютно безграмотен. К тому же при его анализе ты двух слов связать не можешь. А в чем причина? Да в том, что речь у тебя не развита!» И я смиренно молчал на ус, потому как Регина Петровна в свои сорок семь считалась у нас если не корифеем педагогики, то, во всяком случае, человеком весьма и весьма в деле преподавания подкованным.

На урок с проверкой, а вернее, с методическим контролем, она всегда входила неожиданно, со звонком, как бы скрываясь за спинами вбегающих в класс учеников. Так что в первую минуту ее можно было и не заметить. Потом садилась на заднюю парту и, наставив свои горячие очи на еще не опомнившегося учителя, начинала сверлить его взглядом. Многие педагоги со стажем, не говоря уже о молодых, смущались, излишне рефлексировали, старались на ходу перестроить урок так, как им казалось должно понравиться Регине Петровне, и в конце концов комкали его, предельно ясно осознавая свою бездарность. Кое-как дотянув до звонка, проверяемые переживали десять минут позора во время эмоционального обсуждения, а вернее, отзыва контролера на увиденное и (что еще хуже!) услышанное, затем, по окончании методической помощи, наконец выдохнув, спешили в следующий класс.

И, как я теперь понимаю, цели своей Регина Петровна достигала. В школе у нас был порядок. Субординация соблюдалась. Все бумажки сдавались вовремя, в полном объеме. Проверки вышестоящими органами проходили на ура.

Порядок был даже в кабинете музыки, хотя, что греха таить, часто кабинет этот является головной болью школьного завхоза. В самом деле, юное поколение подчас настолько рьяно постигает высший (по Аристотелю) вид искусства, так ревностно борется с бесом бескультурья, что по окончании учебного года помещение для занятий этим искусством смахивает на покинутый театр военных действий, и его надо ставить на ремонт. И менять мебель в придачу.

Однако повторяюсь: у нас даже на этом фронте был полный порядок. Из тринадцатого кабинета доносились не вопли вперемешку с дружным ржанием, а самая настоящая, в том числе классическая, музыка и порой весьма красивое пение. Но вот что казалось мне странным. Если у открытых дверей других кабинетов Регина Петровна могла подолгу прислушиваться, хитро ухмыляясь, то мимо тринадцатого она проходила быстро, наклонив голову и морщилась, как профессор консерватории, уколотый фальшивым звуком.

Впрочем, мне поначалу было совсем не до того, чтобы задумываться над своими наблюдениями. Уже месяца через два после трудоустройства две с половиной ставки инженера человеческих душ вкупе с классным руководством вгоняли меня в сильную тоску. Помню, отработав на очередном школьном субботнике после восьми уроков подряд, я сидел за пустым столиком в столовой, ел черствый пончик с каплей сметаны и рассуждал о развилках на дороге судьбы, завидуя сокурснику, надевшему милицейскую форму.

— Здравствуйте, не возражаете, если составлю вам компанию? — раздалось из-за спины.

Напротив меня появилась сивая, стриженная «под ежик» голова учителя музыки со сверкающей лукавой улыбкой и массивными линзами очков.

– Зря вы вчерашнюю выпечку взяли.

– Сказали, свежая.

– Не всему верьте, что говорят. Сегодня в меню замечательная порционная курочка с отварным картофелем. Также рекомендую салат из папоротника. Давно известно, что орляк токсины выводит, а уж токсинов-то в образовании хватает. Вообще, заходите ко мне как-нибудь после пяти сразиться в шахматишки, я вас еще целебным алтайским чаем угощу. – И продолжил прямо, приступая к трапезе: – Вот вы, вижу, переживаете после очередного контроля, а дети, смею заметить, отзываются о ваших уроках с интересом, к тому же величают вас между собой по имени-отчеству. Я же, например, поначалу был для них лишь Баян Баяныч.

– Да, но Регина Петровна считает...

– Мой вам дружеский совет, молодой человек, кто бы там что ни считал: идите своим путем, пробуйте, набивайте шишки, ищите – и обряцете. В нашем ремесле без этого скучно.

– Получается, и завуча не слушать?!

Мой собеседник даже переменялся в лице и, обернувшись по сторонам, понизил голос, как заговорщик:

– Боже упаси! Как можно такое говорить? Вы же в системе, причем не просто в системе, а в образовании! Потому должны не просто слушать, но и внимать и благоговеть!

Затем, откинувшись на спинку стула, опять расплылся в улыбке:

– И все же никто не мешает вам думать, а подумав, делать так, как правильно на самом деле.

Саныч даже привстал с места:

– Ишь какой жук нашелся! Такие умники плохо заканчивают.

Тем не менее на момент вышеуказанного разговора у Анатолия Сергеевича все шло хорошо. Как он потом признавался, уже в самый момент устройства в нашу школу ему повезло. Редкий директор, особенно директор-женщина, возьмет человека со стороны, за которого не замолвил словечко кто-нибудь из ближнего круга. Но тогда, видимо, у администрации совсем горело: на носу аттестация школы, а учителя музыки нет. Вот и приняли чужого скрепя сердце, тем более что нужное образование и категория имелись.

Правда, в первую минуту его немного шокировало помещение для занятий высшим искусством. Но, будучи педагогом старой закалки, то есть по совместительству и плотником, и штукатуром-маляром, Анатолий Сергеевич засучив рукава направился в школьные мастерские за инструментом, втайне надеясь на мужскую солидарность. Получив исчерпывающий ответ, пошел к завхозихе, заранее подготовившись услышать повтор речевых оборотов трудовика. Однако та приняла его благодушно и посоветовала ближайший строительный магазин. В общем, через две недели кабинет музыки было не узнать. Белоснежный потолок, кремовые обои, чистые плафоны с новыми лампами, твердо стоящие на ножках шкафы и парты, оклеенные пленкой под дерево, и, что более всего обрадовало руководителя хозяйственной части, вместо неблагопристойной надписи на стене – стенды с портретами выдающихся композиторов. Даже директор упомянула на административной планерке: «А музыкант-то у нас вроде ничего». Наверное, тогда впервые и кольнуло в поджелудочной железе у Регины Петровны.

Сложнее Анатолию Сергеевичу было с инструментом музыкальным, который с аванса не купишь. Конечно, он принес с собой старый, проверенный годами дружбы баян, но прекрасно понимал, что с ним одним рискует надолго застрять на уровне школьного гармониста. Тут, опять же, по-

могла заместитель директора по хозяйственной работе, которая после ремонта кабинета была столь благосклонна, что дала ему ключ от склада-хламятника.

И вот тринадцатый на время превратился в радиотехническую мастерскую, где после уроков ребята из старших классов во главе с последователем Эвтерпы⁴ что-то там паяли, наморщив лбы. Причем дело у них пошло, так как бывалый педагог, понимая серьезность момента, привлек давнего приятеля – мастера по ремонту музыкальной аппаратуры. В итоге заработали старый усилитель, музыкальный центр, зазвучал всеми забытый синтезатор и даже подал признаки жизни реанимированный микшерский пульт. А также исчез из лексикона детей Баян Баяныч. Но вся эта увлекательная возня вызвала и неожиданный побочный эффект. В кулуарных разговорах физичкой, кстати большой любимицей Регины Петровны, была пущена волна: «Конечно, о какой успеваемости может идти речь, когда самые балбесы, вместо того чтобы уроки делать, у Бороздина с паяльником сидят!» Однако, не найдя особой поддержки, волна сотрясла воздух и успокоилась.

По-хорошему стоило бы успокоиться и самому Бороздину. Действительно, есть где учить, чем учить, дети воспринимают хорошо, коллеги – худо-бедно тоже... И то сказать, не велика птица – школьный учитель музыки. Так нет же, сознательно потеснил человека, причем не последнего человека в школе, да к тому же того, который отнесся к нему благодушно. В оправдание Анатолия Сергеевича скажу, что на то имелись две причины, причем одна из них – веская.

Все помнят, какие раньше были учительские зарплаты: смех сквозь слезы, а для педагогов-мужчин – просто слезы. Вот Бороздин и пошел к директору, замечу, не к Регине Петровне, а через голову, с предложением дать ему пол-

⁴ Эвтерпа – у древних греков: муза лирической поэзии и музыки.

ставки кружковой работы. Взамен же он обещал научить детей играть на гитаре, а в перспективе – создать школьный вокально-инструментальный ансамбль, что являлось его сокровенной мечтой и второй причиной, вообще-то, весьма резвого поступка. Ну а так как для успеха в данной работе требуются индивидуальные занятия, то вдобавок попросил отдать ему кабинет, давно превращенный завхозом в хламчатник, с обязательством сделать из него музыкальную студию.

Директор у нас была настоящим львом (конечно, во многом благодаря серьезной поддержке сверху), причем львом умным. А потому облагодетельствовала его вместо половины целой ставкой, видимо рассудив, что с замотивированного человека можно и драть три шкуры. Тут же последовал приказ руководителю хозяйственной части освободить помещение. В общем, формально стороны пришли к полному согласию, однако намерения их не совпадали.

Бороздин понял это уже на следующий день, когда в его творческое пространство твердым, напористым шагом вошла школьная муза – заместитель директора по воспитательной работе. В руках она держала источник вдохновения – длинный, как простынь, план школьных мероприятий. Муза пояснила голосом, не терпящим возражений, что главное ее требование к музыкальным номерам – массовость. Причем Ираида Павловна, сильнейший педагог и опытный директор, с ней согласна. А пестованием отдельных талантов пусть школы при консерваториях занимаются.

Таким образом, жизнь Бороздина превратилась в сплошной праздник. Не проходило и дня без репетиций. Классные руководители, быстро смикитив, что к чему, стали гонять к нему своих подопечных строем, убежденно повторяя в своей среде неоспоримый тезис: «На все есть свои специалисты». И порой до самого вечера из тринадцатого кабинета доносилось что-нибудь вроде:

*Мы веселые ребята-бята-бята-бята,
Очень весело живем-вем-вем!*

Вдоволь навеселившись, в опустевшей школе специалист принимался за изготовление фонограмм (так называемых минусовок⁵). Занятие, в принципе, стоящее, только если делать их на продажу, а не в рамках очередного КТД⁶.

В общем, по причинам вполне прозаичным создание школьного ансамбля буксовало.

Однако Анатолий Сергеевич был человеком упертым, потому не прошло и полугода, как на стенах бывшего склада появилась зеленая драпировка для улучшения акустики, и те ребята, которые верили учителю с самого начала, уже осваивали на гитаре первые аккорды. Как раз к этому времени относится и наш разговор в столовой. Тогда, глядя на дышащую оптимизмом фигуру Бороздина, в неизменно элегантном костюме, я тоже верил в его правоту.

Может возникнуть вопрос: позвольте, а что же первый зам, как называли с подачи директора Регину Петровну, неужели она не подмяла какого-то там мужичка в пиджачке? А надо сказать, что некоторые соратники ждали показательной экзекуции, хотя бы из чисто спортивного интереса, свойственного отдельным «интеллигентным» людям. Щурясь, глядели они в спину Бороздину: ничего, мол, и тебя высекут, и будешь бегать как ошпаренный от одного взгляда завуча.

Но дни шли за днями, а Бороздин все так же прямо, с легкой улыбкой ходил по коридорам, и скорость его движения ничуть не зависела от цвета одежды Регины Петровны. Хотя даже мне через месяц работы было ведомо: если первый

⁵ Минусовка – запись музыкального произведения, в которой отсутствует вокал или солирующий инструмент. Чаще всего это просто готовый аккомпанемент для солиста.

⁶ КТД – коллективное творческое дело.

зам в зеленом платье – все как обычно, если в бордовом – жаждет контроля, если в черном – вышла на тропу войны.

Конечно, уроки Анатолия Сергеевича вызывали уважение. Я, признаюсь, посетив один из них, не заметил, что просидел целый час с открытым ртом, и впервые в жизни подумал с сожалением: «Почему же я в музыке такой профан?» Бросилась мне в глаза и некомпетентность моя в методике преподавания. Но, странное дело, если разборы моих потуг Региной Петровной вызывали только уныние, то, увидев работу Бороздина, захотелось учиться.

Впрочем, давно известно, что добросовестное исполнение трудовой функции еще не повод ходить прямо. Иной проверяющий задаст такие вопросы, от которых впадешь в замешательство, замычишь, начнешь пожимать плечами и услышишь на это: «Что ты тут цыганочку танцуешь? Работать надо как полагается!» Бороздин же плечами не дергал, наоборот, обнаруживал полную готовность к конструктивному взаимодействию с первым замом, причем сам не стеснялся задавать вопросы, советовался, как применить то или иное положение методики в данной конкретной ситуации. И контроль учителя музыки с целью методической помощи стал эпизодическим, а потом и вовсе прекратился.

Таким образом, скажу еще раз: у Анатолия Сергеевича все шло хорошо. Уже и первые питомцы его из кружка гитары выступили на празднике. Правда, играли слабо, пели неважно, вызвав весьма вялые аплодисменты. Я даже высказал тогда Бороздину, чувствуя обиду за любимого исполнителя:

– Слушайте, может, не стоило брать такую песню? Нельзя тянуть дрожащим голосом: «Перемен требуют наши сердца»⁷. Здесь нужен сокрушительный протест, чтобы у людей появилась вера, что можно прорвать плотину и все изменить.

⁷ В. Цой. «Хочу перемен».

– Согласен, преждевременно взяли, но ребята сами захотели попробовать, не хотелось губить инициативу. Зато теперь будут пахать вдвойне. А перемены, поверь мне, будут.

И они действительно наступили в жизни учителя музыки. Все началось с того, что семикласснику Щеголенкову он поставил тройку. Причем как-то так получилось, что никто ее не ожидал. Потому тройка по музыке оказалась единственной среди четвертных оценок. В общем, все проворонили ситуацию, даже Гололобова, классный руководитель «несчастливого» ученика. О Гололобовой стоит сказать пару слов. Эта дама, немолодая, нестарая, неглупая, не сильно умная, принадлежала к числу тех людей, которые идут в гору благодаря умению вовремя смеяться. Случалось, вызовет меня на перемене Регина Петровна, задаст неожиданный вопрос, сразу и не сообразишь, как ответить, брякнешь какую-нибудь несуразность под снисходительную улыбку завуча, не успеешь еще поправиться, а Гололобова и другие прихехеши уже хохочут, заливаются... Если же руководителю необходимо устроить подчиненному разнос, такие персонажи вообще незаменимы. Входя в кабинет, еще не поняв, в чем дело, вызванный на ковер уже чувствует на себе их осуждающие взгляды. Говорит обычно только начальник, но с каким же рвением они резонируют! По школе ходили настоячивые слухи, что Гололобовой прочат административную должность, хотя я в ней никаких талантов, кроме вышеуказанного, до поры до времени не замечал.

Тем не менее успеваемость в ее классе всегда была на высоте, потому как в конце каждой четверти Гололобова отпраплялась по учителям договариваться. При этом, изображая само добродушие, не забывала напомнить им елеиным голосом, как много значат для школы хорошие учебные показатели. Вот и на сей раз она договорилась за Щеголенкова по нескольким предметам. Конечно, «всё осознавший» ученик ходил пересдавать с притворно-вино-

ватой улыбкой, делал вид, будто что-то там решает, вообще видимость приличия соблюдалась, но в итоге твердый троечник в конце четверти вышел чуть ли не отличником. А тут прозевала!

Дело осложнилось тем, что прибегала мамаша Щеголенкова – женщина непростая, со связями. Видимо, не считая нужным заходить в тринадцатый кабинет, направилась прямо к директору. Как рассказывала секретарь, все началось с рычания, а закончилось взаимными поглаживаниями. Мадам Щеголенкова уходила от матерого руководителя с улыбкой и обещала даже посодействовать с ремонтом школьного туалета.

Потом Ираида Павловна коротко пообщалась с Бороздиным. Подчеркнув, что имеет дело с сильным, опытным и даже талантливым педагогом, спросила:

– Почему же у такого педагога ребенок получает тройку, когда по остальным предметам у него четыре или пять?

– Не знает он учебного материала. Потому как не хочет учиться или неспособен, – невозмутимо ответил учитель. – «Болеро» Равеля от Мусоргского отличить не может.

Ираида Павловна на мгновение задумалась, затем в голосе ее зазвучали стальные нотки:

– Я вам так скажу, Анатолий Сергеевич: умного и дурак научит, а вот, между нами говоря, научить дурака – тут-то как раз и нужно проявить педагогическое мастерство. – И добавила веско: – Очень надеюсь, что в следующей четверти у Щеголенкова все будет как минимум хорошо.

В данном случае Бороздин как раз пожал плечами:

– Если будет учиться – все и будет хорошо.

Директор еще раз внимательно на него взглянула:

– Ну и славно, полагаю, мы друг друга поняли.

Следом Ираида Павловна вызвала первого зама. Содержание их разговора осталось тайной. Известно только, что лицо и шея Регины Петровны, когда она вылетела из при-

емной, горели красными пятнами – признак самый скверный для подчиненных.

Конечно, учитель музыки поставил Щеголенкову злополучную тройку не по причине незнания «Болеро». Разумеется, он мог бы сказать директору, что подросток этот – отъявленный лодырь, что его любимое занятие – качать права, что вины своей он никогда ни в чем не признаёт, а жаловаться обожает, поэтому дети его недолюбливают и даже побаиваются. Мог бы также описать в красках, как воспитанник Голлобовой прощупывал возможности устроить на его уроках балаган, подбивая к тому одноклассников, но, не найдя поддержки и почувствовав силу учителя, решил на музыке просто отдыхать, то есть бездельничать. При этом высказывал сверстникам такое мнение: «Четверку-то все равно поставит, а большего мне и не надо!» Однако Бороздин не зря полжизни проработал в образовании и прекрасно понимал, что администрации школы до всей этой мелодрамы нет абсолютно никакого дела.

«Да черт с ним, с Щеголенковым, – думал учитель музыки, выходя от директора. – Сидит себе, не мешает – и пусть сидит. Поспрашиваю в следующей четверти, что-нибудь проямлит, четверку и натяну».

Собственно, так бы и вышло, не возьми подростка под крыло Регина Петровна. Действительно, он стал часто появляться у первого зама, подолгу разговаривал с ней, поливал ей цветы, разносил по учителям записочки с требованием срочно явиться в кабинет завуча, выполнял другие незатейливые поручения. Следствием таких теплых отношений стало заявление подростка Бороздину на одном из уроков: «Если вы, Анатолий Сергеевич, мне тройку поставите, это вы ее не мне, а себе поставите. И вообще, какие могут быть тройки на музыке, музыка – не математика».

Анатолий Сергеевич попытался обратиться к классному руководителю подростка, но диалог не состоялся. «Не знаю,

не знаю, что у вас теперь получится, – замахала руками Голлобова. – Сами затеяли конфликт с ребенком, не обратились ко мне вовремя, не поинтересовались индивидуальными особенностями ученика, вот сами теперь и налаживайте отношения».

Не успел Бороздин обдумать дальнейшие действия, как Регина Петровна надела бордовое платье, и он попал под плотный контроль. Причем вопросы по окончании урока теперь ставились иные: почему пыль на полках шкафов, почему цветы на подоконниках, есть ли среди них ядовитые? Писали ли заявку электрику, что лампы в кабинете разного цвета? Ну и тому подобное. И наконец: когда у вас все-таки начнет работать на уроке Щеголенков? Тем не менее Бороздин все так же ходил прямо, хотя улыбка уже сошла с его лица.

Удар, действительно потрясший его, пришел с неожиданной стороны. В один прекрасный день, открыв дверь в музыкальную студию, Анатолий Сергеевич обнаружил, что его встречают грязные, обшарпанные стены, а содранная драпировка валяется на полу возле входа. Метнувшись к завхозу, он наткнулся на кривую ухмылку и, не успев даже рта раскрыть, услышал: «Горючая отделка в помещениях школ не допускается. Хорошо, пожарный инспектор предупредил по доброте душевной. Кстати, подпишите-ка у себя под розетками двести двадцать вольт».

С того дня линзы учителя музыки стали поблескивать особым огнем, таким, какой появлялся у него в глазах в момент просчитывания шахматной комбинации. Видимо, не сомневаясь, что его со всех сторон обкладывают, Бороздин уже готовил свой решающий ход.

А мне особо рассуждать на тему его отношений с администрацией тогда было некогда. Более того, на какое-то время я даже совершенно забыл про тринадцатый кабинет и его хозяина, потому что получил, несмотря на недоразвитость речи, задание подготовить небольшой докладик

на ближайшем педсовете. Замечу, что в первый год работы само словосочетание «педагогический совет» вызывало у меня действительно благоговейный трепет. Конечно, я не воспринимал его как военный совет в Филях, где в столкновении мнений принималось судьбоносное для Отечества решение, но все-таки считал, что стратегические направления жизни школы выковываются именно здесь. Потому готовился на совесть.

И вот настал момент, когда я сидел в гудящем, как улей, переполненном зале, с волнением погружившись в замусоленный, исчерканный доклад. Только слышал, как справа биологичка громко рассказывала коллегам свой фирменный рецепт приготовления фаршированной рыбы да слева до меня доносились обрывки анекдотов трудовика под дружный хохот собравшихся рядом мужчин. Президиум еще пустовал, и основная интрига для собравшегося педколлектива – в каком цвете выйдет Регина Петровна – оставалась неразрешенной. Вдруг гул резко пошел на убыль. На сцену поднялись директор, первый зам в идеально сидящем антрацитовом костюме и другие члены администрации.

Первой выступала, естественно, женщина в черном. Я, признаюсь, поначалу ее совсем не слушал, повторяя свой материал, и, лишь когда голос первого зама почти перешел в крик, обратил внимание на слова:

– О каком эстетическом воспитании наших учеников может идти речь, – неслось со сцены, – когда в кабинете музыки грязь?! Понятно, что музыку дети воспринимают на слух, но ведь не с закрытыми же глазами! К тому же свет в тринадцатом кабинете вреден для зрения, а учителю, получающему надбавку за заведование кабинетом, до такого вопиющего факта и дела нет. Как нет дела и до того, что на подоконнике у него в непосредственной доступности для детей ядовитая бегония. Может, Анатолий Сергеевич и думает, что все сказанное – мелочи, но на самом деле нель-

зя считать мелочью жизнь и здоровье детей! И, наконец, все мы знаем, какое громадное значение сегодня на разных уровнях придается патриотическому воспитанию молодого поколения. Многие учителя, не хватающие звезд с неба, кропотливо работают в данном направлении: привлекают в учебный процесс краеведческий материал, делают акцент на выдающихся достижениях отечественных ученых и деятелей культуры. Но что же мы видим у Анатолия Сергеевича Бороздина? Некий Морис Равель! Как будто и нет русской музыки, на которой в первую очередь должны воспитываться патриотические чувства подрастающего человека. Слово и не существовало на свете Глинки, Чайковского, Рахманинова, Мусоргского!

– Позвольте внести ясность, – зазвенел вдруг в зале необычайно зычный голос, и все увидели Бороздина, быстро подходящего к сцене с небольшим кассетным магнитофоном. Воспользовавшись всеобщим замешательством, он так же громко продолжил:

– Действительно, Регина Петровна, когда вы были у меня на уроке, я забыл стереть надпись: «Морис Равель, “Боле-ро”». Но на доске-то висел портрет Мусоргского, и слушали вы вот это произведение. Неужели не помните?!

И Бороздин включил «Богатырские ворота».

Когда величественная, торжественная музыка, в основе которой так остро чувствуются народные мотивы, начала набирать обороты, Бороздин остановил пленку и констатировал с улыбкой:

– Так что, коллеги, не верьте Регине Петровне, существовал на свете Мусоргский!

По бледному лицу первого зама в антрацитовом костюме поползли красные разводы, и, похоже, дар речи на время ее покинул. Ираида Павловна тоже молчала, сообразив, что грубо оборвать в эту секунду Бороздина – значит оставить вопрос открытым, сильно повредив авторитету завуча.

И тут, пока народ еще безмолвствовал, встала с места Гололобова.

– Анатолий Сергеевич, – развела она в удивлении руками, – зачем вы нам здесь голову морочите? Включаете «Болеро» Равеля, а говорите, что звучит Мусоргский? Что за странные шуточки?

Теперь уже сам учитель музыки не нашел слов, чтобы ответить, да и не успел бы, потому что подскочила физичка и проговорила ледяным тоном, глядя на него с неподдельной ненавистью:

– Я считаю, коллега... хотя мне претит называть вас своим коллегой, так вот, я считаю, что вы сейчас ведете себя низко, и в первую очередь низко как мужчина. Я бы на вашем месте извинилась перед Региной Петровной за столь беспардонную выходку. Но где уж вам! Вы скорее упретесь и будете продолжать выдавать «Болеро» за Мусоргского, чем признаете свою неправоту.

По залу стал подниматься гул, который перекрыл горячий вибрирующий голос учителя музыки:

– Уважаемые педагоги, вопрос принципиальный, достойный педсовета! Кто может сказать, что сейчас он слушал Мусоргского?

В помещении стало совершенно тихо.

Я впоследствии часто думал, почему никто не пришел в ту минуту к нему на помощь. Конечно, были у нас в школе и весьма достойные люди, сочувствовавшие Бороздину. Но в том-то и дело, что вопрос был поставлен чересчур принципиально. А у всех семья, дети, планы, долги... Я и сам тогда, конечно, промолчал. Да и разве мог я что-нибудь сказать еще в ту пору? А теперь в подобной ситуации... уже не скажу.

В общем, с каждой секундой затянувшейся паузы шансы Бороздина стремительно таяли. Наконец трудовик, вечно красное лицо которого стало совсем кирпичным, рявкнул:

– Хорош ваньку валять со своим Мусоргским-шмусоргским! Какое мне дело до балерона Равеля, когда через час машина с пиломатериалом придет!

В первых, ближних к администрации, рядах раздался хохот, который стал быстро распространяться по залу. И, конечно, больше всех надрывалась от смеха Гололобова.

Неестественно вытянувшись, учитель музыки с удивлением вглядывался в лица людей, и вдруг сзади на него обрушился жесткий, как железный кулак, голос директора:

– Бороздин, вы из-за своей мелкой амбиции мешаете сейчас работе всего педагогического коллектива. Мы уже поняли, что вы не наш человек! Покиньте помещение!

Анатолий Сергеевич вышел. Но вышел он, как всегда, прямо, и, когда проходил рядом со мной, мне даже показалось, что некое подобие улыбки скользнуло по его лицу. А через две недели приняли новую, ничем не выделяющуюся учительницу музыки, и тринадцатый кабинет снова стал головной болью нашей завхозихи.

Окончив свою повесть, я замолчал, удивляясь вдруг охватившему меня волнению. Взор мой невольно залюбовался красивой, убегающей в таежную даль рекой. Почему-то, как в юности, защемило сердце. Саныч тоже долго смотрел на водную гладь впереди. Я уже и не надеялся на ответ старшего товарища, когда услышал:

– Вечно ты откапываешь что-нибудь этакое! Нет бы порадовать друга на отдыхе позитивом. Ведь есть же хорошее в том же образовании. А от твоего рассказа только голова больше заболела, не стоило и слушать.

Дальше разговаривать не хотелось, и наш корабль уже в полном безмолвии несло по течению...